

П.А. Минакир

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Хабаровск

О.М. Прокапало

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Хабаровск

Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации

Аннотация. Обсуждаются декларируемые цели государственной экономической политики и возможности приоритетного развития Дальневосточного региона России. Приводится исторический обзор с выделением этапов регионального развития, отличающихся различными соотношениями источников и масштабов применяемых экономических ресурсов, в особенности инвестиций, а также типов и степени локализации специфических экономических институтов развития региона. Показана двойственность мотивации для приоритетного развития региона. С одной стороны, он характеризуется неконкурентоспособностью с точки зрения стандартных рыночных процедур. С другой стороны, имеет высокую оценку полезности с точки зрения национальных геостратегических и геоэкономических целей. Выдвигается гипотеза о том, что в этой ситуации приоритетное экономическое развитие возможно только в случае нахождения эффективной комбинации масштабов и источников инвестиционных ресурсов с адекватным для решения данной задачи типом институционального режима и с оптимальным уровнем локализации институтов.

Ключевые слова: *Дальний Восток, инвестиции, экономическое развитие, институты, интеграция, приоритеты.*

Классификация JEL: O1, R1.

Введение

С середины 1990-х годов проблема экономического развития российского Дальнего Востока в контексте интеграции в АТР (Азиатско-Тихоокеанский регион) постепенно начала входить в число приоритетных задач экономической политики. Угроза экономического и демографического вакуума на дальневосточных границах (в 1996 г. ВРП региона составлял лишь 42%, а численность населения – 76% от уровня 1990 г.) заставила возродить в 1996 г. долговременную государственную программу развития региона, которая была утверждена еще в 1987 г.¹ Дефицит государственных ресурсов, неконкурентоспособность дальневосточных вариантов размещения частных инвестиций, отсутствие институциональных предпочтений для функционирующих в регионе экономических агентов (реальных и потенциальных) не позволили существенно изменить экономическую и социальную ситуацию в регионе до начала 2000-х годов. В 2000–2016 гг. многие систем-

ные проблемы были устранены или смягчены (ликвидирован энергетический дефицит, улучшилось состояние транспортной инфраструктуры, темп роста инвестиций в основной капитал составил почти 350% (235% в целом по РФ), стоимость экспорта увеличилась почти в 5,2 раз (в 2,8 раза в целом по РФ), рост доходов населения снова (как и до 1990-х годов) стал опережать среднероссийские показатели (300% против 270%, соответственно). Тем не менее остается открытым ключевой вопрос, почему при неизменности общепризнанных позитивных (наличие природных ресурсов и экономико-географическое положение) и негативных (маргинальный уровень транспортных и производственных издержек) факторов экономическое развитие региона неустойчиво в смысле чередования периодов относительного процветания и провалов темпов и уровня развития. В статье выдвигается гипотеза для объяснения этого феномена, заключающаяся в зависимости темпа и уровня

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1996 г. № 480 (<http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econreg/investproject/doc2010011212>).

развития региона от комбинации различных типов инвестиционных (экзогенные и эндогенные, государственные и частные) ресурсов развития и институциональных (инклюзивные и экстрактивные) режимов (Натхов, Полищук, 2017). При этом под институциональными режимами подразумеваются специфические институты, конструируемые для адресной поддержки развития Дальнего Востока.

1. Роль инвестиций и институтов в региональном развитии

С точки зрения определяющих факторов региона главное отличие экономического развития региона от развития в масштабах национальной или глобальной систем заключается в том, что ареалы генерации и использования прироста объема экономических ресурсов не совпадают. Поэтому в случае региона экономический рост и социально-экономическое развитие нетождественны. Конечно, в основании экономического роста региона лежит экономическое и социальное развитие. Но этот рост не обязательно локализован в пределах данной территории. Но даже если такая локализация и существует, это не обязательно будет приводить к экономическому развитию именно в данном регионе.

Региональное экономическое развитие определяется характером пространственных распределений генерируемого дохода, используемого на накопление и потребление в конкретных регионах, масштабом и пропорциями финансовых и материальных потоков между регионом и центром, условиями и эффективностью применения факторов производства в том числе (Минакир, 2013). Но сам доход может быть генерирован как в регионе, так и за его пределами, и перераспределен в регион в соответствии с действующими институтами, качество и направленность которых определяют масштабы перераспределения дохода, а также масштабы и характер использования генерируемого в самом регионе дохода.

Это означает, что экономическое развитие конкретного региона определяется двумя фундаментальными факторами:

во-первых, объемом инвестиций (как генерируемых в самом этом регионе, так и перераспределенных в его пользу из межрегиональной системы), а во-вторых, — характером институтов, определяющих возможности формирования внутренних и внешних ресурсов развития и их максимально эффективного использования.

Для регионов, характеризующихся высокой оценкой геополитической и геоэкономической полезности для страны, но низкой оценкой конкурентоспособности размещенных и функционирующих на его территории экономических агентов, общим правилом является хронический дефицит генерируемых в рамках самого региона инвестиций для обеспечения унифицированных (или тем более — приоритетных по отношению к другим регионам) стандартов экономического, социального и инфраструктурного развития и/или достижения реализуемых в этом регионе национальных экономических или внеэкономических целей. Этот дефицит связан с ограниченными масштабами экономической деятельности, невозможностью использовать эффект масштаба в силу узости внутреннего рынка и ограниченными возможностями компенсировать размер внутреннего рынка за счет межрегионального обмена товарами и факторами производства из-за замыкающих (с точки зрения удельных затратах труда и капитала) показателей экономической деятельности (Kardas, Fisher, 2017).

Компенсация дефицита эндогенных инвестиций за счет вне рыночного перераспределения государственных ресурсов в пользу региона часто оказывается полностью или частично невозможной в силу ограниченности таковых как в абсолютном, так и в относительном выражении (наличие слишком большого числа национальных приоритетов). Объем государственных ресурсов, как правило, непостоянный во времени, — периодически он может уменьшаться вслед за изменением национальных приоритетов пространственного ресурсного перераспределения, а также в результате поддержания стабильности экономического роста в национальном масштабе,

что требует сосредоточения ресурсов накопления в регионах с максимальной продуктивностью факторов производства (Исаев, 2014; Коломак, 2014).

Не меньшее значение, чем объем используемых для достижения целей экономического развития ресурсов, имеет характер и уровень локализации институтов. Для национальных экономик можно считать доказанным утверждение, согласно которому институциональные режимы являются более существенным фактором экономического развития в сравнении с географическим положением и богатством ресурсов (North, 1990; Rodrik, Subramanian, Trebbi, 2004; Hashim Osman, Alexiou, Tsaliki, 2011; Фролов, 2015). Этот тезис справедлив и в отношении регионов. Подтверждение этому аргументу можно найти в ряде теоретических и эмпирических исследований на примере регионов различных стран (Rodríguez-Pose, 2013; Stough, 2001). В качестве факторов регионального развития институты делятся на компенсирующие и стимулирующие.

Первые (компенсирующие) способствуют снижению уровня производственных, транспортных и транзакционных издержек экономических агентов, функционирующих в данном регионе; за счет государственных субсидий они смягчают или ликвидируют экономические барьеры для межрегионального перераспределения частных ресурсов. В некотором смысле этот вид институтов выполняет для регионов, нуждающихся в поддержке в межрегиональной конкуренции, роль защиты от хищников, под которыми подразумеваются сильные с точки зрения межрегиональной конкуренции за ресурсы регионы (Anderson, 2004; Anderson, Bandiera, 2005; Рыжова, 2013).

Вторые (стимулирующие) конструируются как локальные институциональные режимы, обеспечивающие льготные условия как экономической деятельности в данном регионе, так и общие условия развития или, как это обозначал Дж. Миль, — «улучшения деловых способностей» (Миль, 1981). На практике же и компенсирующие, и стимулирующие институты функционируют совместно.

Институты являются в общем случае более существенным фактором экономического развития региона по сравнению с государственной инвестиционной поддержкой, так как возможны ситуации практически полного отсутствия последней, что показано ниже. Тогда экономическое развитие региона на базе эндогенно генерируемых ресурсов полностью определяется характером и силой воздействия унифицированных или локальных институтов.

Успех экономического развития региона при данном объеме эндогенных и экзогенных инвестиций зависит от характера институциональной оболочки, который определяется превалированием инклюзивных (обеспечивающих благоприятные условия для производительной деятельности и эффективного приложения и накопления производственных ресурсов) и экстрактивных (обеспечивающих извлечение ренты — экономической или политической — в пользу экономической и политической элиты) институтов (Натхов, Полищук, 2017).

2. Экономическая история

Историю освоения и развития Дальнего Востока можно разделить на несколько периодов. Основное отличие между ними (с точки зрения анализа в данной статье) заключается в особенностях влияния соотношения масштабов и типа инвестиций, с одной стороны, и типа институтов, с другой.

2.1. Государственные инвестиции — локализованные инклюзивные институты (1860–1930 гг.)

Государство осуществляло прямую ресурсную интервенцию (строительство и содержание транспортной инфраструктуры, военной промышленности и военно-тылового обеспечения армии и флота), а также косвенное субсидирование эндогенного экономического развития через финансирование функционирования особого институционального режима для Дальнего Востока. Этот режим включал финансирование программ переселения из Европейской России, для чего уже

в 1861 г. были введены льготы переселенцам, а также льготы для ведения бизнеса (Крушанов и др., 1977, с. 40; Минакир, Прокапало, 2010, с. 35–36). Эффект институциональной интервенции начал проявляться с конца 1880-х годов, когда государственные инвестиции и интенсивное переселение (в 1861–1995 гг. в регион переселились около 1,5 млн человек) создали базу для эндогенного развития рыночного хозяйства в регионе. За 1890–1913 гг. стоимость промышленного производства увеличилась в 2,5 раза (Минакир, Прокапало, 2010, с. 43), при том что около 70% стоимости всего регионального продукта создавалось в сельском хозяйстве.

Эффект инклюзивного институционального режима оказался большим, чем извлеченная государством военно-политическая рента, что проявилось в поражении в Русско-японской войне. Еще один урок этой войны состоял в том, что один только институциональный режим, даже весьма эффективный, без существенных инвестиций государственных и частных ресурсов в экономическое развитие региона не может обеспечить необходимый для извлечения политической ренты уровень развития. А подключение внешних частных ресурсов требует дополнения институционального режима путем стимулирования экономических агентов — нерезидентов, т.е. делокализации действия институтов.

В полной мере это проявилось в 1922–1930 гг., когда прямое государственное финансирование развития региона практически прекратилось и восстановление экономики региона опиралось почти исключительно на экстраординарный институциональный режим, граничащий с полной экономической автономией Дальнего Востока, ориентированный на мобилизацию эндогенных ресурсов и стимулирование активности региональных экономических агентов в эксплуатации внутреннего и прилегающих внешних рынков (Минакир, 2006, с. 142–152). Это позволило быстро восстановить довоенный уровень развития в регионе, но одновременно исключило поддержку внеэкономических целей национального уровня.

2.2. Государственные инвестиции — делокализованные экстрактивные институты (1930–1985 гг.)

С 1930 г. был восстановлен приоритет Дальнего Востока в качестве реципиента государственных инвестиций, направленных на создание опорной базы защиты военно-политических интересов на Дальнем Востоке. Опыт Русско-японской войны показал, что на Дальнем Востоке должен быть создан мощный диверсифицированный индустриально-экономический комплекс, опирающийся на инфраструктурные мощности, собственную сырьевую базу, обладающий необходимыми социальными характеристиками, чтобы в относительно автономном режиме обеспечивать функционирование больших воинских группировок. Для создания такого комплекса в пользу Дальнего Востока были перераспределены значительные капитальные ресурсы, доля которых в суммарных государственных капиталовложениях в течение всего периода до 1990 г. поддерживалась на уровне 6,8–7,5% (0,8% в 1920-е годы) (Минакир, Прокапало, 2010, с. 46–51). Численность населения за это время увеличилась более чем в 5 раз. В регионе возник развитый экономический комплекс, доля промышленности в котором уже к концу 1930-х годов достигла 82% против менее 30% в 1920-е годы.

Для элиминирования факторов, обуславливающих рыночную неконкурентоспособность региональных экономических агентов, обеспечения нормального функционирования и интеграции с национальной экономикой регионального экономического комплекса, а также для поддержки переселения значительных контингентов населения и рабочей силы была значительно расширена институциональная поддержка Дальнего Востока в форме экстрактивных институтов, стимулирующих миграцию населения, функционирование экономических агентов в составе единого планового комплекса страны и извлечение внешнеторговой ренты (специальные режимы в области ценообразования, планирования, снабжения, реализации продукции, доходов населения). Институциональный

режим обеспечивал перелив ресурсов и функционирование подчиненного выполнению национальных военно-политических и геоэкономических задач регионального экономического комплекса, который практически не имел возможностей развиваться эндогенно. К концу периода это привело к накоплению значительных системных проблем как экономического, так и социального характера.

2.3. Эндогенные частные инвестиции, унифицированные институты (1990–2002 гг.)

Вслед за отказом от приоритетности Дальнего Востока был демонтирован и особый институциональный режим (сохранились только выравнивающие коэффициенты к заработной плате) и практически свернута государственная инвестиционная поддержка региона. Регион оказался в ситуации автономного функционирования образца 1920-х годов. Способный функционировать лишь в специальной институциональной среде и при масштабной инвестиционной поддержке, региональный экономический комплекс начал быстро разрушаться. Исключение составляли только ресурсодобывающие отрасли, выход которых на азиатские рынки в новых условиях был даже облегчен. Разрушение значительной части военной и гражданской экономики повлекло за собой отток населения, занятого в промышленных и военных структурах (Минакир, 2006, с. 357–378). Генерируемых в самом регионе ресурсов оказалось достаточно для поддержания менее 30% созданного к 1990 г. экономического потенциала, при том что численность населения уменьшилась только на 24%.

В начале 1990-х годов была предпринята попытка решить проблемы ресурсов развития за счет создания инклюзивного институционального режима в форме свободных экономических зон, однако эта попытка не удалась

(Российский Дальний Восток..., 2017, с. 313–317). Не удалась и попытка изменить ситуацию посредством реанимации государственной программы развития 1987 г.² и утверждения на ее основе президентской программы развития до 2005 г.³, так как ресурсов, особенно учитывая развернувшийся в 1998 г. финансово-экономический кризис, по-прежнему у государства не было, а институциональные новации блокировались господствовавшим убеждением о недопустимости институциональной дискриминации экономических агентов.

2.4. Государственные инвестиции — локализованные экстрактивные институты

После преодоления последствий финансово-экономического краха 1998 г. и с началом восстановления уровня экспортных цен на нефть возобновилась реализация прерванной в 1990-е годы концепции двухколейного развития — комплексного развития Дальнего Востока, во-первых, и интеграции Российской Федерации с Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР), во-вторых.

Основным приоритетом являлось достижение геоэкономических целей, которые после 2007 г. конкретизировались как поворот на Восток. Под этим подразумевается попытка замещения восточноазиатскими рынками европейских. На европейских рынках возможности экстенсивного увеличения экспортной ренты оказались практически исчерпаны, а структурных или технологических возможностей перехода к интенсивной стратегии прироста внешнеторговой ренты в распоряжении России так и не появилось (Минакир, Прокапало, 2017).

В 2007 г. основная цель уточненной программы развития Дальнего Востока формулировалась уже как «...формирование необходимой инфраструктуры... с учетом геостратегических интересов и обеспечения безопас-

² Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.08.1987 № 958 «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года».

³ «Президентская программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы» утверждена Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. № 480. Статус «президентской» присвоен программе Указом Президента России от 23 апреля 1996 г. № 601.

ности Российской Федерации»⁴. В развитие инфраструктуры и укрепление сырьевой экспортной базы были направлены значительные государственные и корпоративные инвестиционные ресурсы, ориентированные на создание магистральной экспортной транспортной инфраструктуры (дорожное строительство, морские порты, трубопроводы), а также новых мощностей в ресурсодобывающих и энергопроизводящих отраслях (нефтегазовая, угольная, нефтеперерабатывающая, горнорудная промышленность).

Какими-либо серьезными институциональными новациями этот инвестиционный поток не сопровождался, что сделало его неспособным стимулировать экономическое и социальное развитие самого региона. Вместе с тем реализацию стратегической декларации поворота на Восток осложняют не только специфические для Восточной Азии препятствия (синдром «плохой истории», высокий уровень нетарифных барьеров), но и бледное экономическое лицо России в Восточной Азии. Таким лицом является экономика Дальнего Востока – его инфраструктура, обеспечивающая внутри- и межрегиональную мобильность, комфортабельный и сопоставимый с восточноазиатскими соседями уровень развития медицины, образования, культурной среды, коммунальной и социальной инфраструктуры (жилье, благоустройство, экология), благоприятная бизнес-среда, способность развиваться эндогенно и генерировать собственные источники дохода.

Эти обстоятельства заставили декларировать ускоренное развитие Дальневосточного региона в качестве национального приоритета XXI в.⁵ Однако необходимый для реализации этого приоритета масштаб государственных инвестиций не может быть аккумулирован (в 2011–2016 гг. объем совокупных инвестиций в основной капитал в регионе уменьшился

на 35% темпом 8% в год) (Прокапало, Исаев, Мазитова, 2017) в том числе и потому, что число критически важных для развития регионов увеличивается.

В этой ситуации предпринята попытка ввести в институциональную среду на Дальнем Востоке новые институты (территории опережающего развития (ТОР); свободные порты; ряд тарифных преференций; некоторые меры, направленные на активизацию привлечения населения)⁶, совокупность которых получила наименование «новая восточная политика». Перечисленные институты не только преимущественно локализованы, но имеют и сублокальный характер, – их действие распространяется только на ограниченные территории в пределах региона. Следовательно, проблема замыкающего характера производственных затрат и транзакционных издержек в некоторой степени решается лишь для резидентов локальных зон, что в условиях отсутствия механизмов трансляции экономических эффектов за пределы этих институциональных гаваней блокирует системный эффект регионального развития.

Иллюзия замещения дефицитных государственных инвестиций и блокированных отсутствием эффективных институциональных режимов частных инвестиций иностранным капиталом обманчива. Иностранный капитал приходит только в сырьевые экспортные проекты (почти 90% прямых иностранных инвестиций – вложения в сахалинский шельф и сопутствующие проекты инфраструктуры и переработки). Государственные инвестиции в инфраструктуру региона поддерживают в значительной мере экспортные проекты в регионе и экспортный потенциал других регионов.

В результате институциональный режим приобрел черты совокупности экстрактивных институтов, что в сочетании

⁴ Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» (в ред. Постановлений Правительства РФ от 21.11.2007 № 801, от 19.04.2008 № 286, от 02.06.2008 № 423, от 25.08.2008 № 644, от 10.01.2009 № 15, от 31.07.2009 № 633, от 28.11.2009 № 965 с изм., внесенными Указом Президента РФ от 23.04.1996 № 601).

⁵ Послание Президента Федеральному собранию. 12 декабря 2013 г. (<http://kremlin.ru/events/president/news/19825>).

⁶ Подробнее см. (Минакир, 2017, с. 304–312, 318–327).

с дефицитом экзогенных ресурсов развития не позволяет приблизиться к решению проблемы «двухколейного развития». Изменение ситуации возможно только если институциональная поддержка будет адресована основной массе экономических и социальных агентов, определяющих в совокупности качественное состояние и динамику социально-экономической системы региона.

Заключение

До настоящего времени, несмотря на значительные усилия и огромные экономические и человеческие ресурсы, затраченные на протяжении более чем полутора веков на освоение и развитие Дальнего Востока, задача превращения этого региона в экономический и гуманитарный форпост страны в Восточной Азии по-прежнему далека от решения. Препятствуют такому решению два тесно взаимосвязанных фактора: во-первых, постоянный дефицит ресурсов, во-вторых, слабость и нестабильность институтов.

Дефицит материальных и финансовых ресурсов связан с ограниченностью возможностей привлечения для решения экономических и социальных задач в регионе негосударственных инвестиций. Частные инвесторы готовы входить и входят только на те дальневосточные рынки, где обеспечена экономическая, в том числе внешнеторговая, рента, несмотря на объективные удорожания факторов производства и повышенные транспортные затраты. Это – добывающие производства, продукция которых ориентирована на экспорт. В еще большей мере этот вывод относится к иностранным инвесторам. Без развития других сегментов экономической структуры и инфраструктуры формирование эффективного и экономического комплекса, способного разумно эндогенно развиваться, невозможно. Однако отвлечение государственных инвестиций на решение этой задачи означает невозможность обеспечить необходимый (с точки зрения главной задачи) уровень социального развития и коммунальной среды, формирование которых возможно преимущественно за счет именно государственных ресурсов.

Единственным выходом, как показано выше, является конструирование эффективной институциональной среды, которая должна обеспечить: 1) стимулирование предпринимательской и инвестиционной активности функционирующих в регионе экономических агентов; 2) компенсацию удорожающих товаров и услуги факторов и радикальное снижение транзакционных издержек для функционирующих и потенциальных экономических агентов в регионе; 3) унификацию институциональных режимов в регионе и сопредельных экономиках; 4) государственную гарантию поддержания гуманитарных, социальных и коммунальных стандартов в регионе на уровне, обеспечивающем сопоставимое с сопредельными странами качество жизни в регионе.

С точки зрения масштабов и источников инвестиционных ресурсов наилучшим, исходя из вышеприведенного обзора, является вариант масштабных государственных инвестиций в развитие инфраструктуры и социально-коммунальной среды – интенсивный приток частных экзогенных и эндогенных инвестиций в развитие экономической структуры. Этот вариант требует создания стабильного институционального режима, основанного на инклюзивных локализованных институтах.

В настоящее время на практике осуществляется вариант «масштабные государственные инвестиции в экспортную инфраструктуру – ограниченные государственные инвестиции в экономическую структуру – ограниченные экзогенные частные инвестиции в экспортные сырьевые проекты – ограниченные государственные инвестиции в социальную среду при формировании экстрактивных локализованных институтов».

ЛИТЕРАТУРА

- Исаев А.Г.** (2014). Государственные капиталовложения как детерминанты экономического роста российских регионов // *Регионалистика*. Т. 1. № 4. С. 61–72.
- Коломак Е.А.** (2014). Пространственная концентрация экономической активности

в России // *Пространственная экономика*. № 4. С. 82–99.

- Крушанов А.И., Кулакова И.Ф., Морозов Б.Н., Сем Ю.А.** (1977). История Дальнего Востока СССР (От эпохи первобытно-общинных отношений до наших дней). В четырех томах. Книга 5. Русский Дальний Восток и Забайкалье в эпоху капиталистического развития России (1860–февраль 1917 г.). Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока.
- Милль Дж.С.** (1981). Основы политической экономии. Т. 3. М.: Прогресс.
- Минакир П.А.** (2006). Экономика региона. Дальний Восток. М.: Экономика.
- Минакир П.А.** (2013). Экономический рост и развитие: региональное приложение // *Федерализм*. № 2. С. 49–62.
- Минакир П.А.** (ред.) (2017). Российский Дальний Восток на пути в будущее. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН.
- Минакир П.А., Прокапало О.М.** (2010). Региональная экономическая динамика. Хабаровск: ДВО РАН.
- Минакир П.А., Прокапало О.М.** (2017). Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // *ЭКО*. № 4 (514). С. 5–26.
- Натхов Т.В., Полищук Л.И.** (2017). Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2 (34). С. 12–38.
- Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г.** (2017). Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2016 г. // *Пространственная экономика*. № 2. С. 138–173.
- Рыжова Н.П.** (2013). Роль институтов в международной экономической кооперации // *Пространственная экономика*. № 1. С. 72–88.
- Фролов Д.П.** (2015). Имеют ли институты значение для пространственной экономики? // *Пространственная экономика*. № 1. С. 14–37.
- Anderson J.E.** (2004). Economic Integration and the Civilizing Commerce Hypothesis // *The World Economy*. Vol. 31(1). P. 141–157.
- Anderson J.E., Bandiera O.** (2005). Traders, Cops, and Robbers. Boston College. NBER Working Paper No. 8469.
- Hashim Osman R., Alexiou C., Tsaliki P.** (2011). The Role of Institutions in Economic Development: Evidence from 27 Sub-Saharan African Countries // *International Journal of Social Economics*. Vol. 39. Issue 1/2. P. 142–160.
- Kardas S., Fisher E.** (2017). A Region with Special Needs. The Russian Far East in Moscow's Policy. Warsaw: Center for Eastern Studies. Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpią. Number 65. July.
- Kuhrt N.** (2012). The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? // *Europe-Asia Studies*. Vol. 64 (3). P. 471–493.
- North D.C.** (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rodriguez-Pose A.** (2013). Do Institutions Matter for Regional Development? // *Regional Studies, Taylor & Francis Journals*. Vol. 47 (7). July. P. 1034–1047.
- Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F.** (2004). Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development // *Journal of Economic Growth*. Vol. 9 (2). P. 131–165.
- Stough R.R.** (2001). Endogenous Growth Theory and the Role of Institutions in Regional Economic Development. In: Johansson B., Karlsson C., Stough R.R. (eds) *Theories of Endogenous Regional Growth. Advances in Spatial Science*. Berlin, Heidelberg: Springer.

Поступила в редакцию 6.02.2018 г.

REFERENCES

(with English translation or transliteration)

- Anderson J.E.** (2004). Economic Integration and the Civilizing Commerce Hypothesis. *The World Economy*, 31 (1), 141–157.

- Anderson J.E., Bandiera O.** (2005). Traders, Cops, and Robbers. Boston College. NBER Working Paper No. 8469.
- Frolov D.P.** (2015). Do Institutions Matter in Spatial Economics? *Spatial Economics*, 1, 14–37 (in Russian).
- Hashim Osman R., Alexiou C., Tsaliki P.** (2011). The Role of Institutions in Economic Development: Evidence from 27 Sub Saharan African Countries. *International Journal of Social Economics*, 39, 1/2, 142–160.
- Isaev A.G.** (2014). Public Investment as a Determinant of Economic Growth of the Russian Regions. *Regionalistika*, 1, 4, 61–72 (in Russian).
- Kardas S., Fisher E.** (2017). A Region with Special Needs. The Russian Far East in Moscow's Policy. Warsaw: Center for Eastern Studies. Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia, 65, July.
- Kolomak E.A.** (2014). Spatial Concentration of Economic Activity in Russia. *Spatial Economics*, 4, 82–99 (in Russian).
- Krushanov A.I., Kulakova I.E., Morosov B.N., Sem Yu.A.** (1977). Soviet Far East' History. Vol.5. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Kuhr N.** (2012). The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? *Europe-Asia Studies*, 64, 3, 471–493.
- Mill J.S.** (1981). Basis of Political Economy. Vol.3. Moscow: Progress (in Russian).
- Minakir P.A.** (2006). Region's Economics. Russia Far East. Moscow: Ekonomika (in Russian).
- Minakir P.A.** (2013). Economic Growth and Development: Regional Application. *Federalism*, 2, 49–62 (in Russian).
- Minakir P.A.** (ed.) (2017). Russian Far East on the Way to Future. Khabarovsk: ERI FEBRAS (in Russian).
- Minakir P.A., Prokapalo O.M.** (2010). Regional Economic Dynamics. Khabarovsk. FEBRAS (in Russian).
- Minakir P.A., Prokapalo O.M.** (2017). Russian Far East: Economic Phobias and Geopolitical Ambitions. *EKO*, 4 (514), 5–26 (in Russian).
- Natkhov T.V., Polischchuk L.I.** (2017). Political Economy of Institutions and Development: The Importance of Being Inclusive. *Journal of the New Economic Association*, 2 (34), 12–38 (in Russian).
- North D.C.** (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press.
- Prokapalo O.M., Isaev A.G., Mazitova M.G.** (2017). Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2016. *Spatial Economics*, 2, 138–173 (in Russian).
- Rodríguez-Pose A.** (2013). Do Institutions Matter for Regional Development? *Regional Studies, Taylor & Francis Journals*, 47 (7), 1034–1047.
- Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F.** (2004). Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development. *Journal of Economic Growth*, 9 (2), 131–165.
- Ryzhova N.P.** (2013). The Role of Institutions in International Economic Integration. *Spatial Economics*, 1, 72–88 (in Russian).
- Stough R.R.** (2001). Endogenous Growth Theory and the Role of Institutions in Regional Economic Development. In: Johansson B., Karlsson C., Stough R.R. (eds) "Theories of Endogenous Regional Growth". Advances in Spatial Science. Berlin, Heidelberg: Springer.

Received 6.02.2018

P.A. Minakir

Economic Research Institute Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Russia

O.M. Prokapalo

Economic Research Institute Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Russia

Far East-Priority: Combinations of Investment and Institutes

Abstract. Trends and possibilities for implementing the state economic policy for the Russian Far East development are discussed. Historical overview is given with the identification of stages of regional development, characterizing by the different sources and scales of economic resources, in particular investments, and the types and degree of localization of specific economic institutions for the regional development. The duality of motivation for priority development of the region is shown. On the one hand, it is characterized by non-competitiveness in terms of standard market procedures. On the other hand, it has a high appraisal of utility in terms of national geo-strategic and geo-economic goals. A hypothesis is advanced that in this situation, priority economic development is possible only if an effective combination of scales and sources of investment resources is found with an adequate type of institutional regime for this purpose and with an optimal level of localization of institutions.

Keywords: *Far East, investments, economic development, institutions, integration, priorities.*

JEL Classification: O1, R1.

Д.А. Изотов

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск

Журнал НЭА,
№2 (38), 2018,
с. 155–163

Ускорение экономики Дальнего Востока: помогут ли новые институты?

Аннотация. Институциональные характеристики стран с высокой долей природной ренты и высокими рисками в экономике, к которым относится Россия, накладывают существенные ограничения на выбор инструментов государственной политики. Для ускорения экономики Дальнего Востока применение инструментов государственного вмешательства из практики полувекковой давности указывает на наличие проблемы информированности бюрократического администрирования, проявляющейся в скромных эффектах от закрепления населения и создания инфраструктуры за счет государственных инвестиций. На основании опыта стран со схожими структурными и институциональными характеристиками доказывается, что стратегии экономического развития в регионах не должны становиться средством удержания в них населения. Показано, что увеличение притока частных инвестиций возможно в условиях улучшения качества институтов вне зависимости от качества инфраструктуры, построенной за счет государственных капиталовложений, а создание специальных зон на практике может стать источником рисков, связанных с нарушением Парето-эффективности.

Ключевые слова: *инвестиции, инфраструктура, программа развития, специальные зоны, закрепление населения, институты, природная рента, Дальний Восток.*

Классификация JEL: H54, O43, Q30, R11, R58.

Российская экономика столкнулась с долгосрочными ограничениями развития, имеющими структурный характер. Структурные деформации экономики России вызваны большой ее зависимостью от природной (нефтегазовой) ренты и слабыми институтами и, как следствие, высокими рисками

для инвестирования (The Oxford Handbook..., 2013). Для подобного рода стран экономические проекты осуществляются преимущественно через механизмы распределения природной ренты в рамках реализации государственной политики (Ross, 2012; Van Eeghen et al., 2014).